

Раздел 2

ВИЗУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ГОРОДА: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

CIVITAS DEI – CIVITAS HOMINUM – ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА «ИДЕАЛЬНОГО» ГОРОДА (ПО ИССЛЕДОВАНИЯМ ЗАПАДНОУКРАИНСКИХ ОБЛАСТЕЙ)

Бабий Надежда Петровна

кандидат искусствоведения, доцент,

Прикарпатский национальный университет

им. Василя Стэфанька, Украина, г. Ивано-Франковск

e-mail: nbabij@mail.ru

Аннотация. Общее сознание связывает архитектурное пространство с понятиями Евклидовой геометрии и прямоугольной системой координат. Однако язык архитектурных форм, как и любой другой, имеет дополнительное значение: ассоциативные ценности, символический смысл. В эпоху барокко эти понятия играют особую роль, наделяя объекты осмысленностью.

В статье рассматривается влияние теоретической мысли эпохи барокко на урбанистические процессы в Европе и на территории Украинского Прикарпатья в частности, в период со второй половины XVII – начала XVIII в. Проводится попытка культурологического анализа градостроительных систем некоторых городов региона со Станиславовом включительно.

Ключевые слова: форма и пространство, контрреформация, барокко, семантика формы, город-магдебургия, картезианство, сарматизм, чудесная идея.

Характеризуя экономические, а также историко-культурные обстоятельства, особо сильно влиявшие на архитектуру и градостроительство западноукраинских территорий, обозначим наиболее весомые, связанные с мировоззрением эпохи:

– общественный строй Речи Посполитой польско-литовской отличался от моделей других государств. Должность короля была

выборной; в XVII в. государство превратилось в олигархическую магнатию;

– духовный аспект определялся контрреформационной унией, которая по бескровной ликвидации разнорелигия в XVII в. (католицизма и православия) переживала в первой половине XVIII в. свой триумф;

– элита восточных земель Речи Посполитой вела свой род от бояр Киевской Руси [6, с. 15]. Острожские, Сангушки, Збаражские, Чарторыйские, Жолковские, Потоцкие, Жевуские, Яблуневские, полонизовавшись, активно проводили свою идеологию, где наряду с чрезмерной религиозностью (католической) и милитаризмом лелеялась своеобразная идеологическая концепция – «сарматизм». Она выводила шляхту от древних сарматов, воевавших с Александром Македонским и Юлием Цезарем. Дворы русских магнатов размерами и богатством нередко превосходили польские. Здесь часто формировалась собственная культурно-цивилизационная модель, которая сочетала французское восприятие смерти с византийским пиететом к Богородице и культу отдельных святых: Николая, Онуфрия, Яна из Дукли. Исторические реалии края тесно переплетались с комплексом социально-гуманитарных, религиозных и мистических идей, визуализируясь в пластических искусствах, прежде всего в архитектуре.

Architectura Militaris (военное строительство) считалось приоритетным направлением и в дворянском сознании относилась к рыцарским искусствам. Архитекторы и инженеры, причастные к этой отрасли, если формально и не принадлежали к дворянскому сословию, то по крайней мере в общественном сознании приравнивались к нему. Наличие огромных владений требовало центров управления ими, а необходимость укрепления границ перед внешней угрозой обеспечивала поддержку градостроительных начинаний со стороны короля и сейма. Магнатские столицы стали наиболее ярким явлением градостроительства Галичины XVI, XVII и первой половины XVIII в. [10, с. 197]. В новых городах роль заказчика была ведущей. Его влияние определялось не только богатством, но и образованностью, личным вкусом, амбициями, связями.

Закономерно встает вопрос о европейском характере деятельности местных основателей и архитекторов. Доказано, что магна-

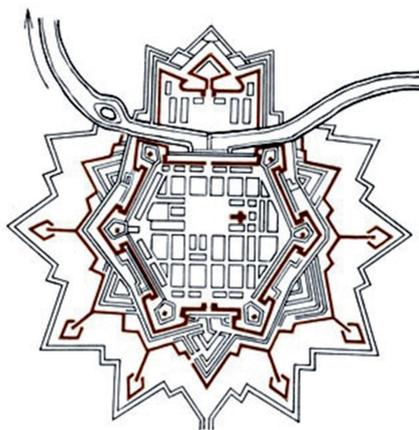
ты имели возможность получать начальные знания о гражданской и фортификационной архитектуре, слушая частные лекции о ней на родине и за рубежом, где по программе посещали королевские и княжеские дворцы, крепости и соборы. Путешествия по Чехии, Австрии, Италии, Франции и Голландии способствовали выработке не только хороших манер, но и художественного вкуса. Оттуда привозили альбомы с изображением дворцов и городов, а также учебники по архитектуре. Основатели принимали каждый проект, начиная от общей концепции и заканчивая наименьшей архитектурной деталью. Собственно говоря, они выступали сотворцами зодчих как в идейной программе, так и в художественной форме. Наиболее изучаемы, кроме античного Витрувия, были трактаты итальянцев Джироламо Катанио, Джакомо Бароцци и Виньола, Андреа дель Поццо и немца Николауса Гольдмана. Среди описей библиотек наиболее широко представлены труды французов Франсуа Блонделя, Жана Маро, Пьера ле Мюса. Существенное место занимали альбомы с гравюрами античных пейзажей и тогдашних зданий Рима, Парижа, Версаля того времени [13, с. 28]. В библиотеке Мнишеков имелся также самый популярный трактат о теории и практике искусства садоводства Дезалье д'Аржанвиля (одно из многочисленных изданий, появилось в 1709 г.) [7, с. 46].

Дуализм градостроительной теории рассматривал две основные концепции: итальянскую, в которой рассматривалась объемно-пространственная концепция [11, с. 130], и французскую – планиметрическую [7, с. 49]. Первая из них была близка вкусам короля Стефана Батория и Яна ЗамоЙского – однокурсникам по Падуанскому университету [13, с. 18]. На них, очевидно, ориентировались магнаты Жолковские, ЗамоЙские, Даниловичи и др. Французская же концепция приветствовалась родами, благоговеющими перед французской короной, в том числе – Потоцкими.

Изучение перспективы в период Ренессанса в корне изменило значимость изображений – их представляли точным отражением реального мира. Город трактовался как зрелище, организованное по правилам изображения, а не бытия [11, с. 110–111]. Барокко также привнесло в градостроительное искусство пластическую трактовку архитектурных объемов, мастерство создания законченных городских перспектив, а главное – установило пространственную

иерархию, благодаря которой абсолютные размеры городских площадей с точки зрения визуального восприятия стали значительно меньше, чем относительные. Повсюду царил идеализм и иллюзионизм, порожденные трактатами архитекторов Вазари и Скамоцци.

Около 1680 г. в Лотарингии (Германия) Людовиком XIV построен идеальный город Саарлуи (фр. Sarre Luis, арх. Себастьян Вобан) в форме звезды (рис. 1).

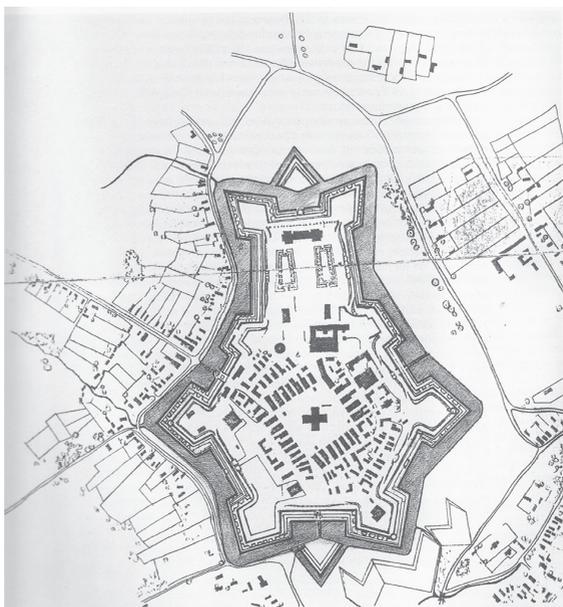

Рис. 1. План города Саарлуи

В это же время идея «идеального города» отразилась и на территории Русского воеводства, больше всего в планировочной структуре Станиславова [2, с. 652] (рис. 2).

Сосредоточение больших финансовых и человеческих ресурсов в руках властителей города давало возможность воплотить в градостроительстве, помимо прочего, амбициозные идеологические программы, визуализирующие ряд эстетических «идей» исторической эпохи. Среди самых главных: понимание города как «Божьего града», идеи унии и сарматизма [7, с. 49; 13, с. 19–20].

Архитектурная форма «града» – города или иного укрепленного поселения – идеологически осмыслялась и поддерживалась Церковью, что подтверждает и «Требник» Петра Могилы 1646 г. [1, с. 196] – христианские символы «города» и «церкви» являются однородными по смысловому наполнению: *civitas Dei* – *civitas hominum* (божий город – город людей) [9, с. 16].

Рис. 2. План города Станиславова

Сергей Кравцов предполагает, что квадратный и прямоугольный планы рыночных площадей, ориентированные по сторонам света (а именно такая в Станиславове), также имеют свои соответствия в символике культовой архитектуры, где четырехугольный направленный план символизирует, что Иисус Христос умер за весь четырехчастный мир и что Церковь, им основанная, рада принять людей со всех четырех сторон [7, с. 48].

Идеи унии выражены противовесным размещением храмов: свободному их размещению относительно рынка (что соответствует представлениям о межконфессиональных отношениях как хаосу), в некоторых магнатских городах конца XVI и XVII в. предложен иной порядок. К таким в Западной Украине принадлежат Замость, Лешнев, Станиславчик, Томашев [7, с. 47], а на территории Ивано-Франковщины – Бурштын, Тысменица и Городенка [2, с. 656]. Храмы разных конфессий строились либо в восточной и западной частях города в зависимости от происхождения обря-

да, либо композиционно противопоставлялись: город превращался в карту конфессионального макрокосмоса. Осуществление такого рода композиций свидетельствует о проникновении в градостроительство региона эстетики барокко, восприятие мира как «чудесной идеи», «Божественного театра» и попытки театрализованно его отразить.

Строительству Станиславова предшествовал укрепленный деревянный замок-двор. Искусствовед Виктор Мельник приводит легенду, согласно которой великий коронный гетман Станислав Ревера Потоцкий, как легендарный Ромул, сам ходил за плугом, прокладывая первые борозды, обозначивая границы будущего града, положение в нем рынка, ратуши и близлежащих кварталов. Он считает, что этот факт вполне мог иметь реальное основание (воплощение идеи имперскости, причем через Рим), как старинный европейский ритуал «помолвки» владельца с землей [8, с. 45]. Первое подробное описание города Станиславова приведено в дневниках известного путешественника Ульриха фон Вердума, посетившего его в январе 1672 г. В своих заметках он подробно описывает фортификационную систему города, планировку и владельцев [5, с. 105].

Королевской привилегией от 7 мая 1662 г. (подтвержденной 14 августа 1663 г.) г. Станиславов получил самоуправление на основе Магдебургского права и разрешение на проведение ярмарок. Римо-католическая, греко-католическая, армянская и еврейская общины наделялись землей для постройки храмов. Идеально очерченный шестиугольник городских фортификаций был спланирован уроженцем югофранцузского города Авиньон, военным инженером-фортификатором Франсуа Корассини [4, с. 17]. Стена окружала город с квадратной рыночной площадью и ратушей в центре, которая наследовала в плане греческий крест. Этот символ одновременно был как эмблемой «христианского» города, так и частью геральдического креста Потоцких [7, с. 49], [2, с. 654]. Стоит добавить, что шестиугольник крепости также имел определенное символическое наполнение: воплощая силу Марса, очевидно, ставил целью усилить мощь стен.

В 1679–1682 гг. другой французский архитектор, Шарль Бенуа (Кароль Беноэ), расширил крепость в северном направлении по продольной оси до новопостроенного дворца Потоцких [4, с. 19]. Станиславов стал последним ренессансным городом на территории Галичины, а его смысловое наполнение – градостроительная концепция – первой барочной.

По данным переписи 1709 г. в центре проживала 221 семья: 124 русинов, 50 армянских, 28 еврейских и 19 польских [12, с. 30]. Рыночная площадь Станиславова, ориентированная по сторонам света, структурировала городскую среду по социальным, национальным и религиозным признакам. Двор владельцев города, храмы и кварталы с компактным проживанием горожан разного вероисповедания и национальности были разведены по географическим полюсам Рынка. Западная часть этой конфессиональной «карты» вокруг рынка представляла латинский мир с деревянным, а дальше каменным костелом, который выполнял функции семейной усыпальницы Потоцких, кладбища и колокольни. В 1720 г. заложены фундаменты иезуитского костела. Армянам привилегиями от 1665 и 1685 гг. отписаны грунты для сооружения церкви, магистрата, ремесленных мастерских и жилья на восточном участке города. Неподалеку разместилась и церковь русин «греческой веры». На севере от рынка поселились монахи ордена Тринитариев, приглашенные в 1690 г. (костел был разобран после пожара 1868 г.). Евреям в городе также была предоставлена земля – вначале к северу от рынка, за пределами первоначальной шестиугольной крепости, а в 1717–1721 гг. Иосиф Потоцкий, опасаясь, «чтобы арсенал не был загорожен непрерывным светом божницы», а также чтобы иудеи «своими криками не мешали костельному богослужению» (имеется в виду костел Тринитариев), постановил выделить общине участок на юге от рынка. Примерно в 1761–1777 гг. построена большая городская синагога. Инициаторами сооружения и отделки всех храмов города выступали основатели города.

Таким образом, можем констатировать непосредственное влияние на развитие архитектуры и градостроения теоретической мысли эпохи и культурных идей как визуализации общественного сознания, что подтверждают следующие обобщения:

– наиболее значимыми для становления стиля барокко в архитектуре Ивано-Франковщины были контрреформаторские доктрины Тридентского собора и Замойского синода;

– идея города-утопии, города-государства, логоса и космоса связывает владельцев Станиславова с известными европейскими мыслителями-утопистами и творцом Саарлуи – монархом Франции Людовиком XIV;

– в основе плана городского форума Станиславова отражена идея символа церкви – Небесного Иерусалима (через размещение конфессиональных общин по сторонам света согласно зависимостей, которые существовали в конфессиональном макрокосме);

– отражение идеи унии, связанной через контрреформацию с контекстом культуры католических государств Европы, выразилось в привлечении церковью униатского, армяно-католического обрядов к барочной градостроительной концепции Станиславова, Городенки, Тисменицы;

– идея, связанная с воплощением честолюбивых княжеских амбиций, сарматизмом, родовой геральдикой, выразила себя в Станиславове в крестообразном плане ратуши, взаимопроникновении элементов «латинской» и «русской» культур в культовой архитектуре и т. п.;

– видя черты антропоморфности в композиции плана Станиславова, мы убеждены, что таким образом изображали *Homo quadratus*, гуманистический и христианский символ эстетики Возрождения и барокко – аллюзию к телу Христову, которое «прирастало» с преодолением схизмы.

Литература

1. Афанасьев К.Н. Построение формы древнерусскими зодчими / К.Н. Афанасьев. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – 271 с.
2. Бабій Н. Відображення філософії бароко в містобудівельних принципах Станіслава / Н. Бабій // Народознавчі Зошити: двомісячник ІННАНУ. – 2010. – Вип. 5–6. – С. 652–658.
3. Баронч С. Пам'ятки міста Станіслава / С. Баронч / пер. з польської Р. Процака. – Івано-Франківськ: СІМІК, 2007. – 143 с.

4. Бондарев І. Історія Станиславівської фортеці / І. Бондарев // Галицька брама. – Львів: Центр Європи, січень-березень 2009. – № 1–3. – 48 с. – С. 17–20.

5. Вердум, Ульрих фон. Щоденник подорожі, яку я здійснив у роки 1670, 1671, 1672... через Королівство Польське / У. фон Вердум / пер. з німецької І. Сварник // Жовтень, 1983. – № 2. – С. 100.

6. Возницький Б. Микола Потоцький староста канівський та його митці архітектор Бернард Меретин і сницар Іоанн Георгій Пінзель / Б. Возницький. – Львів: Центр Європи, 1997. – 160 с.

7. Кравцов С. Містобудівельні принципи та семантика деяких міст Галичини 17 ст. / С. Кравцов // Українське бароко та Європейський контекст. – К., 1991. – С. 45–49.

8. Мельник В. Колекція сакрального мистецтва Івано-Франківського художнього музею: історія формування та особливості її експонування в колегіаті / В. Мельник // Станиславівська колегіата між минулим і майбутнім: матеріали міжнародної науково-практичної конференції. – Івано-Франківськ: Місто-НВ, 2003. – 90 с. – С. 43–50.

9. Мельник В. Сакральне мистецтво Галичини XV–XX століть в експозиції Івано-Франківського художнього музею: путівник-каталог / В. Мельник. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2007. – 224 с.

10. Ричков П.А. Містобудівельна еволюція Станіслава у 17–19 ст. / П.А. Ричков // Архіт. спадщина України. – 2002. – Вип. 5. – С. 196–209.

11. Саваренская Т. Западноевропейское градостроительство XVII–XIX вв: эстетические и теоретические предпосылки / Т. Саваренская. – М.: Стройиздат, 1987. – С. 165–189.

12. Шарловський А. Станиславів і Станиславівський повіт з погляду історичного та географічно-статистичного / А. Шарловський / пер. з польської Т. Буженко. – Івано-Франківськ: Лілея-НВ, 2009. – 176 с.

13. Miiobedzki A. Zarys dziejow architektury w Polsce / A. Miiobedzki. – Warszawa, 1968. – 366 s.